

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244

EDN: PTDKGM

УДК 811.161.1'27:82-3

Научная статья / Research article

Лингвокультурные маркеры художественных текстов Б.Л. Васильева

Е.С. Казютина¹ ✉, Е.Г. Озерова²

¹Белгородский университет кооперации, экономики и права,
308023, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

✉ eukaziutina@yandex.ru

Аннотация. Эффективность речевой коммуникации зависит от погружения в уникальность и специфику национальной культуры посредством познания действительности. Художественный текст транслирует фоновые знания и переживания, которые в процессе восприятия не только интерпретируются читателем, но и формируют ценностные универсалии. Диалог как форма межкультурной коммуникации обусловлен воздействием на адресата, то есть прагматическим подходом, который способствует: 1) толерантности мышления, 2) сохранению традиций и культурного опыта, 3) аккультурации как процесса и результата речемыслительной деятельности. Цель исследования — выявить лингвокультурные маркеры художественных текстов Б.Л. Васильева, которые репрезентируют национально-культурную специфику вербализации художественного слова, поскольку именно лингвокультурные факторы позволяют выявить ментальную природу текста и интерпретировать этнокультурно обусловленное смысловое содержание. Антропоцентрическая направленность коммуникативно-когнитивной методологии и поставленные задачи предопределили характер методов исследования. Ведущий метод описания этнокультурных универсалий художественного текста — контекстуально-семантический, поскольку актуализация этнокультурного влияния интерпретируется в контексте. Контекстуально-семантический метод позволяет исследовать этнокультурные константы по следующим направлениям: 1) выявление и осмысление этнокультурных маркеров художественных текстов Б.Л. Васильева; 2) восприятие и интерпретация этнокультурных констант в художественных текстах Б.Л. Васильева. Отметим, что художественные тексты Б.Л. Васильева позволяют сформировать культуру личности читателя.

Ключевые слова: коммуникативная функция, чувственное восприятие

© Казютина Е.С., Озерова Е.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.08.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Казютина Е.С., Озерова Е.Г. Лингвокультурные маркеры художественных текстов Б.Л. Васильева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 231–244. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244>

Linguocultural Markers of Literary Texts by B.L. Vasiliev

Evgenia S. Kazyutina¹ ✉, Elena G. Ozerova²

¹Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116a, Sadovaya Str., Belgorod, Russian Federation, 308023

²Belgorod State National Research University,
85, Pobedy Str., Belgorod, Russian Federation, 308015

✉ eukaziutina@yandex.ru

Abstract. The effectiveness of speech communication depends on the immersion in the uniqueness and specificity of the national culture through the knowledge of reality. A literary text transmits background knowledge and experiences, which in the process of perception are not only interpreted by a reader, but also form the value universals. Dialogue as a form of intercultural communication is due to the impact on the addressee, that is, a pragmatic approach that contributes to: 1) tolerance of thinking, 2) the preservation of traditions and cultural experience, 3) acculturation as a process and result of speech and thought activity. The purpose of the study is to identify linguistic and cultural markers of literary texts by B.L. Vasiliev, which represent the national and cultural specifics of the verbalization of a literary word, since those are linguocultural factors that make it possible to reveal the mental nature of the text and interpret the ethnoculturally conditioned semantic content. The anthropocentric orientation of the communicative-cognitive methodology and the tasks set predetermined the nature of the research methods. The leading method of describing the ethno-cultural universals of a literary text is contextual-semantic, since the actualization of ethno-cultural influence is interpreted in context. The contextual-semantic method allows explore ethnocultural constants in the following areas: 1) identifying and comprehending ethnocultural markers of literary texts by B.L. Vasiliev; 2) perception and interpretation of ethno-cultural constants in the literary texts of B.L. Vasiliev. Note that the literary texts of B.L. Vasiliev allow to form the culture of a reader's personality.

Keywords: communicative function, sensory perception

Article history:

Received: 01.08.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Kazyutina, E.S. & Ozerova, E.G. (2023). Linguocultural Markers of Literary Texts by B.L. Vasiliev. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 231–244. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244>

Введение

Для современной интерпретации мультикультурного мира диалог культур является одной из самых продуктивных форм межкультурного взаимодействия. Именно в процессе диалога культур вырабатывается общепринятая всеми сторонами универсальная система ценностей, формирующая мировую культуру, проповедующую истинные ценности и гуманизм.

Диалог культур репрезентирует многовековое взаимодействие, направленное не только на взаимное влияние культур, но и на сохранение каждой из национальных культур в своей самобытности. Череда трагедий ушедшего века и современные события подчеркивают необходимость поиска эффективности диалога, поскольку диалог между различными культурами — это понимание общей (единой) судьбы человечества в условиях глобализации мира.

Взаимообусловленность языка и культуры актуализировала исследование языковых средств в неразрывном взаимодействии обучения, воспитания и социализации через погружение в речевую культуру, национальный менталитет, мировоззрение, традиции, духовный опыт — все, что составляет феномен культуры. Лингвисты, занимающиеся исследованием соотношения языка и культуры, пришли к выводу, что изучение языка только как средства коммуникации без постижения духа культуры и национального сознания — это механическое речеупотребление, которое не имеет ничего общего со знанием языка (Н.Ф. Алефиренко, С.Н. Артановский, А.Р. Арутюнов, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, Н.В. Кулибина, Л.В. Куликова, В.А. Маслова, И.И. Николаева, Е.И. Пассов, А.А. Потеня, Ю.Е. Прохоров, А.П. Садохин, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Н.Н. Толстой, С.Е. Тупикова, В. фон Гумбольдт, Г. Коген, Э. Кассирер, Й.Л. Вайсгербер, М. Шеллер, К. Фосслер, Д. Моцумото, Э. Сепир, Б. Уорф).

«Национально-культурный характер художественного текста обуславливается коннотативно-смысловым содержанием конкретного художественного произведения. В современной науке данный когнитивно-дискурсивный феномен имеет широкий спектр номинаций: «культурный компонент», «культурно-цивилизированное со-значение» (Н.Г. Комлев); «национально обусловленный культурный компонент» (Ю.А. Бельчиков); «культурная коннотация» (В.И. Говердовский; Г.В. Токарев); «культурно-национальная коннотация» (В.Н. Телия), «этнокультурная информация» (Е.Л. Березович), «этнокультурная специфика концептов» (Т.А. Фесенко) [1].

Лингвокультурная специфика языковых явлений, отмечает И.А. Стернин, — «это только такое отражение в явлениях языка явлений национальной культуры, которое поддается практическому выявлению и конкретному рациональному объяснению» [2. С. 12–13]. Рассматривая язык и традиционную культуру, Е.Л. Березович отмечает: «Этнолингвистика изучает этнокультурную информацию — информацию

о мире, которая закреплена в символической форме, т.е. имеет лингвокультурную маркированность» [3. С. 9]. «Этнокультурные энграммы <...> обуславливаются законами самой лингвокультуры, отражающими внутреннюю связь поэтического арсенала <...> текста и культуры. Единство языка, точнее поэтических средств прозаического текста, и культуры здесь представлено двояко: 1) единством системы культурных ценностей, 2) структурной целостностью культурного пространства как с исторической точки зрения, так и с точки зрения современности и проявляется как на тезаурусном (словарном), так и на семиотическом (знаково-символическом) уровне» [4. С. 199].

Рассмотрим культурные ценности, культурное пространство и лингвокультурную маркированность в художественных текстах Б.Л. Васильева.

Национально-культурная и смысловая интерпретация художественных текстов Бориса Васильева

Под культурной компетентностью в работе понимается «та часть национальной культуры, которую человек усвоил и пользуется ею в теоретическом и практическом плане» [5. С. 24]. Становление человека как личности, отмечает Н.Ф. Алефиренко, «происходит в рамках определенного ценностно-смыслового поля этнокультуры по мере выявления и интерпретации особого идеального содержания в языке созидающей ее (личность) культуры. Дух, культура личности складываются в процессе интерпретации этнокультуры в формах родного языка, благодаря которой постигается смысл собственной и общественной жизни» [6. С. 62].

Дефиниция «культура» характеризуется многовекторностью трактовок, остановимся на ее признаках и авторской экспликации Б.Л. Васильева феномена «культура»: культура и есть диалог между носителями языка; диалог в процессе формирования собственного отношения через эмоции и оценки; диалог с эпохой, поколениями, иными странами и народами.

Тема культуры лейтмотивом проходит через все творчество Бориса Васильева и выступает своеобразным барометром нравственности человека и общества в целом, вербализируя языковую картину мира автора: *«Под культурой Россия понимает весь спектр духовного выживания человека и прежде всего — нравственность. Нравственность личности, мораль общества, понятие о правах человека, его чести и достоинстве, о свободе личности и прочной государственной защите этой личности <...> Культура — право каждого на свободу совести, слова, самовыражения, неприкосновенность его жилища, добровольный выбор места жительства. Это отношение к женщине, детству, старости. Культура — это историческая память народа, его тысячелетние традиции, искусство, религия, национальная кухня, система семейного воспитания, представление о долге перед обществом*

<...> всем исторически сложившимся социумом, который мы привычно именуем народом»¹.

В рассказе «Неопалимая купина» Борис Васильев устами персонажей ведет диалог с эпохой о культуре на войне: «—Знаешь, чем страшна война, кроме жертв, разрушений, горя? Тем, что лишает человека культуры. И не просто лишает, а обесценивает, уничтожает ее. — Почему это? Сколько на фронте концертов было, артисты приезжали, **а ты говоришь**. — Концерт — знак культуры, **а я говорю** об атмосфере, в которой живет современный человек и без которой он превращается в животное. Культура поведения, культура знаний, быта, общения, то есть **культура каждого дня — вот чего лишает нас война**»².

Прагматика лингвистических исследований, наряду с другими гуманитарными науками и духовно-практической деятельностью, не может и не должна оставаться в стороне от актуальности и злободневности проблемы эффективности межкультурного диалога. Диалог культур предполагает взаимопонимание и взаимоуважение на всех этапах и уровнях человеческого бытия: религия, искусство, наука, язык — с целью предупреждения конфликтов, а также отторжения господства транслируемых человечеству ценностей и идеалов какой-либо из сторон. Язык — хранитель уникального жизненного опыта, а диалектическое единство языка и культуры — это основное богатство народа и как процесса, и как результата. Речепорождающая интенция коммуникативного процесса в рассказе «Неопалимая купина» отражает духовно-нравственные ценности русского этнического сообщества в диалоге культур с мультикультурным миром.

Смыслопорождающим фактором текстов Бориса Львовича Васильева становятся антивоенные мотивы, в которых звучит голос автора: война — это мать нерожденных детей, а долг женщины — материнство, и ей вместе с любовью, как и культуре, не место на войне. У беременной Тони, командующей ротой, погибает любимый человек: «Пуля разлучила. Убила и любовь ее единственную, и все надежды разом <...> — Мне воевать надо, а не рожать. Я этому больше не обучена. — Ты женщина, у тебя есть **долг**. — Рожать — это не **долг**, это физиология. **Долг** — умирать, когда не хочется <...> Детей у нее **не было**. **Были** три ранения, были контузия и два инсульта. **Были** три ордена <...> **Были** всяческие значки <...> А вот детей у Антонины Федоровны Иваньшиной **никогда не было**»³.

¹ Васильев Б.Л. Век необычайный. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27095281 (дата обращения: 12.06.2021). С. 6.

² Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2016. С. 159.

³ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2016. С. 155.

Учитывая факт имплицитности сообщаемой информации, следует отметить, что речь идет о лингвистической относительности — сообщаемой и воспринимаемой информации между читателем и автором. Концепция лингвистической относительности заключается в том, что носители разных культур иначе воспринимают и оценивают одни и те же факты и категории действительности, поскольку различия определяются мышлением и когнитивными процессами в сопоставлении причинно-следственных связей, соответственно не только вербализируются, но и осмысливаются иначе.

Художественный текст, поднимающий проблемы общечеловеческих ценностей, гипертекстуален по отношению к разным культурам, потому что общность возникаемой эмпатии к персонажам и конкретным художественным ситуациям, в которых оказываются действующие лица, создает когнитивные и лингвокультурные связи между коммуникантами — автором текста и читателем, воспринимающим художественную действительность через образное слово.

Так, читатель не может остаться равнодушным к судьбе Антонины, юность которой пришлось на войну: *«все чаще начала задумываться о своей юности. Не о ее героических деяниях, не о ее страданиях и жертвах, а о счастье, которое невозможно ни заменить героизмом, ни затмить жертвами <...> Рос бы сейчас синеглазый Васильевич или Васильевна. И была бы ты, Тонька, и в самом деле и мамой и бабушкой, и не было бы счастливее тебя на всем белом свете, но разве молодость думает о собственной старости? А рос бы сын или дочь. Васильевичи»⁴.*

Таким образом, процесс восприятия художественного текста обусловлен воздействием на адресата, то есть прагматическим подходом, который способствует: 1) толерантности мышления, 2) сплоченности, развитию, сохранению традиций и культурного опыта, 3) аккультурации как процесса и результата речемышлительной деятельности.

Эффективность речевой коммуникации зависит от погружения в уникальность и специфику национальной культуры, складывающейся в языковые явления и языковую картину мира, которые отражают и экстралингвистические факты посредством познания действительности. Художественный текст транслирует фоновые знания и переживания, которые в процессе восприятия не только интерпретируются читателем, но и формируют ценностные универсалии. В рассказе «Неопалимая купина» слово задает систему координат модели культурного действия в семантическом пространстве античеловечности войны: *«Ты делалась грубее, жестче, резче, тверже, непреклоннее — разве это женские достоинства? Сомнительно. Женские качества — мягкость, нежность, ласковость: все то, что тебе приходилось подавлять в себе еже-*

⁴ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 218–219.

дневно и ежечасно <...> Тут мужской закон действует, древний, как само человечество: **убей или убьют тебя. И все, все вокруг было направлено на исполнение этого закона; все решительно: грубость, жестокость...**⁵.

Отметим, при коммуникативном подходе образность, иллюстративность и наглядность художественного слова может быть информативной составляющей познавательной деятельности и выполнять кумулятивную функцию. Собственные воспоминания Бориса Васильева становятся впечатлениями его персонажей в художественном тексте, а потому иносказательны, метафоричны и образны: «**И приехали на линию Ленинградской обороны. Все там осталось в том виде, как было в войну. Запльвишие окопы, заросшие блиндажи, колючая проволока, земля, сплошь усеянная осколками, изломанным оружием и позеленевшими патронами, будто превратившимися в семена... А может, и вправду в семена? Разве война не сеет саму себя для будущих поколений?..**».

Культурно обусловленный релятивизм исходной системы понятий, мышления и поведения определяет поведение коммуникантов в процессе восприятия художественного текста, поэтому актуализирует коммуникативно-деятельностный подход, поскольку применяемые языковые формулы в конкретных речевых ситуациях задают направление мышлению и отражают когнитивные процессы в речи: «подавляющая масса знаний приходит к человеку через освоенные знания, т.е. через язык» [7. С. 11].

Следует отметить, что объективность сообщаемой информации по отношению к субъекту представляется несколько относительной, так как читатель погружается в тот эмотивный фон, которым наполнено смысловое содержание текста, поэтому художественный текст репрезентирует духовно-ценностные универсалии, поскольку воздействует на личность в процессе восприятия передаваемой автором художественной действительности.

Языковые средства художественного текста выступают культурным кодом в процессе межкультурной коммуникации, который является индикатором культурной жизни страны и отражает систему культурных ценностей в конкретной языковой среде через образность слова: «**мы же с вами родственники по Великой Отечественной войне, только вы яблонька, а я яблочко; а книги умирают молча; это у вас они — легкие, а у меня... как свинцовый сурик**» (о простреленных легких)⁶.

Функции повторов лексических и синтаксических конструкций способствуют порождению эмотивного восприятия текста. В финале рассказа Тоня не умирает, а переходит в иной мир, в котором ее встречает погибший Василий: «**так они познакомились**», «**им еще непросто было**», «**сердце в ней**

⁵ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 231.

⁶ Там же.

оборвалось... и еще раз в ней все оборвалось», «зарубцевалось и это ранение», «так возникла система... так сложилось... так и продолжалось... и так шло...», «А она никогда не была невестой, но об этом потом — после, потом. Об этом потом», «вновь отыскала в себе силы и смысл жить дальше», «он. Тот самый... он...», «А может, ты и вправду моя мама, тетя, Тоня?»⁷.

Языковое пространство художественных текстов Б.Л. Васильева характеризуется разнообразием выразительно-изобразительных средств, что позволяет выделить его специфику: 1) индивидуальная маркированность выразительно-изобразительных знаков; 2) образность внутренней формы слова; 3) коннотативная имплицитность смыслового содержания, раскрывающаяся при помощи дискурсивной экспликации скрытых когнитивных ресурсов. Художественно-образное речемышление — главное свойство языка художественных текстов Б.Л. Васильева.

В процессе межкультурной коммуникации наблюдается стремление найти общие точки соприкосновения, опору для дальнейшего успешного сосуществования и социализации в данном обществе. Взаимопонимание в данном случае не предпосылка, а результат осознания общности, принятие иного мировосприятия, уважение к традициям — духовным ценностям народа, преодоление психологических, эмоциональных и смысловых барьеров. Рассказ «Неопалимая купина» — это тот текст, который отображает взаимодействие человека с собственной культурой, воздействие культуры на человека и человека на культуру, смысловое пространство текста наглядно поднимает проблемы общечеловеческих идеалов, соответствующих эстетическим и нравственным ожиданиям читателя. Борис Васильев является выразителем общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, стремлений к трансформации и динамике развития личности, к обновлению и возрождению.

Деясь душевной теплотой и заботой, принимая за дочерей девушек-студенток, молодея душой, поворачивая время своей жизни вспять, главная героиня отдает дань молодости и следующему поколению, потому что у Б. Васильева время условно и циклично: мы — это они, они — это мы: *«А они сегодняшние просто-напросто свободнее нас вчерашних. Свободнее, раскованнее, естественнее — это мы им дали свободу. Там, на залитых кровью полях Великой Отечественной <...> Мы не другие, мы новые, понимаете? Вы старые, а мы новые. Новые! <...> И это абсолютно верно: они действительно новые. Качественный скачок, оплаченный нашими жертвами. Кровью, болезнями, голодом и холодом всего народа. Вот что следует непременно проследить в книге: рост новых людей, новой поросли нашей страны»⁸.*

⁷ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 155.

⁸ Там же. С. 211–212.

Очерстнев душой на войне, Тоня смогла возродить свою душу к любви, поэтому время для нее текло иначе, то есть в обратную сторону, и она молоде- ла душой. Автор трансформирует художественное время, стирая его границы для героини, которая мыслит не о собственном комфорте, а о благополучии других людей. Денотативное пространство текста писатель измеряет даже не столетиями и веками, а эрами, преобразуя из линейного в циклическое, наполняя семантику пространства вечностью.

Героиня учит историю, но не понимает *«каким образом дата рождения всяких там <...> Александров Македонских в абсолютном цифровом выражении больше, чем дата смерти. — Ну это же все до нашей эры, понимаешь? Потому и считают наоборот. —⁹ Какой же может быть оборот во времени? — Условность такая, Антонина. От новой эры — плюс, до новой — минус. Ну, от рождения Христа. <...> девчонок она жалела <...> она чувствовала себя неизмеримо старше. Старше даже тех, кто годами обогнал ее, будто время, которым измеряла она собственную жизнь, тоже считалось «наоборот», как до нашей эры»¹⁰.*

Здесь следует отметить следующий факт: настенные часы в доме Бориса Васильева тоже шли наоборот, об этом вспоминал В. Глебов, будучи частым гостем: *«Главным объектом внимания в прихожей были часы <...> Не стоило бы о них и вспоминать, если бы они не шли вспять, супротив времени! Стрелки на них двигались противосолонь, то есть справа налево»¹¹.*

В процессе восприятия текста важно формировать позитивное отношение как к национальной, так и к мировой культуре через язык как когнитивный механизм репрезентации кодирования «языка внутренней речи» [8]: с ее понятностью, выразительностью, содержательностью и действенностью. Вследствие этого художественный текст является средством приобщения к культуре как системе ценностей нации, поскольку аккумулирует лингвокультурную информацию посредством символов, библейских мотивов и образов, характерных для культуры страны. Например, Борис Васильев использует библейский образ «неопалимая купина».

Концепт «Неопалимая купина» «в русской лингвокультуре соотносится с мифологизированными фрагментами действительности. В основе мифа, отмечает Н.Ф. Алефиренко, «лежит архетип — устойчивый образ, постоянно актуализирующийся в сознании каждого члена данного языкового сообщества и имеющий этнокультурную ценность» [6. С. 210]. Посредством прецедентного феномена Б.Л. Васильев имплицитно отождествляет главную героиню с Птицей Феникс, которая, как горящий, но не сгорающий терновый куст, возрождается из пепла, тем самым автор обращается не только к наци-

⁹ Есть такая профессия...: Борис Васильев в воспоминаниях современников / под общей редакцией Т.В. Кузовлевой. М.: Фонд СЭИП, 2014. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 163–164.

¹¹ Там же. С. 27.

ональным, но и общекультурным архетипам, эксплицируя их в лингвокультурные маркеры художественных текстов.

Именно смысловая интерпретация способствует пониманию художественного текста, так как «смысловая структура текста формируется на основе необычайно сложных и многоаспектных (контактных, дистантных, ассоциативно-семантических, логических, грамматических и др.) связей и отношений всех элементов, прежде всего лексических, творчески интерпретируемых читателем» [9. С. 187].

Художественные тексты Бориса Львовича Васильева учат, воспитывают, выступают средством экстралингвистических сведений об истории и традициях русского народа, являются объектом описания реалий языка, а художественный текст, отмечает Н.С. Болотнова, «погружен в культурное пространство эпохи, культурологический тезаурус адресата, отражает особенности авторской личности, его знания, лексикон, образ мира, конкретные цели и мотивы. Текст несет на себе, таким образом, печать культуры определенного этапа в истории общества, культуры определенного народа с его традициями, устоями, менталитетом» [9. С. 230].

Отметим, что важной представляется воспитательная роль и воздействующая функция художественных текстов Б. Васильева: «В его книгах всегда можно найти общественно-значимые идеи, не оставляющие читателей равнодушными <...> любовь, ненависть, дружба, его гражданская позиция и патриотический дух. Содержание его писательских трудов всегда многопланово и, в то же время, ясно и понятно писатель призывает к сохранению в человеке его исторических и национальных корней и традиций, сохранению моральных качеств, доставшихся от предков, он выступает за бережное, уважительное отношение друг к другу, к женщине, как символу жизни на земле и к самой земле, которая нуждается в защите и помощи» [10. С. 236–237].

Предупреждая возникновение коммуникативных неудач в процессе восприятия текста, необходимо помнить, что помимо фоновых знаний значимым представляется чувственное восприятие художественного текста, которое обусловлено национально-культурными универсалиями, а «чувство, являясь исконно русским словом, эксплицирует духовную природу русской авторской мысли» [4. С. 136].

Американский лингвист Д.Х. Хаймс вводит термин «коммуникативная компетенция» и обосновывает необходимость обучения ситуативной практике, моделям речи в процессе социализации, когнитивного и экспрессивного поведения, где тексты художественной литературы выступают учебным полигоном. Под компетенцией понимается способность владения языком как стратегией и тактикой ориентирования во внеязыковых факторах. Уместность высказывания, определяющая выбор ситуативных речевых актов, обуславливается системой ментальных и речевых действий и коммуникативной ролью говорящего: «... какие сведения о речи, помимо правил грамматики и сло-

варя, усваиваются в процессе превращения в полноправного члена данного языкового общества» [11. С. 42].

Развить коммуникативную компетенцию и преодолеть языковой барьер помогает использование лингвокультурных парадигм при работе с художественными текстами, выявление их стилистического потенциала и лингвистическая эмпатия. Например, концепция нарративной эмпатии, поиск истины, справедливости, человеческого достоинства, противостояние добра и зла, библейские мотивы объединяют творчество Б.Л. Васильева с Л.Н. Толстым, а его литературу, в свою очередь, с М. Сервантесом и Ч. Диккенсом.

Б. Васильев — последователь мировых классиков художественной литературы, продолжает их традиции: *«Истина была в Добре. Весь опыт прошлого требовал прямого пути к нему <...> Лев Николаевич из всей мировой литературы выше всего ставил Чарльза Диккенса <...> Добро — высшая идея, движущая сила и смысл всей жизни героев Диккенса в наиболее чистом виде, и эта чистота помыслов о Добре была для Льва Николаевича идеальным примером великого долга Литературы перед человеком»*¹².

Главная героиня рассказа Б. Васильева записывает свои воспоминания о пережитой войне, чтобы рассказать современным детям о нечеловеческих ужасах, испытаниях и страданиях, которые принесло это кровопролитие, но в то же время хочет донести всю правду без прикрас о героизме, долге, жертве миллионов людей, поэтому Тоня многократно и беспощадно переписывает тетрадные листы, задаваясь вопросами: *«...сейчас ей было не по себе от их (детей) послушного молчания <...> дело было в скрытом недоверии к подвигам <...> Почему? <...> А потому что перекормили <...> Исчезла искренность подвига, его порыв, боль, цена — и осталось голое перечисление. Остался реестр, длинный и нудный списочный перечень: кто, что, где и когда <...> Герасим утопил собачку, и полтора года лет рыдают над нею потрясенные дети, а мы без конца толкуем о двадцати миллионах погибших — и встречаем отсутствующие глаза. А они должны гореть и страдать, иначе и за перо братья не стоит...»*¹³.

Наряду с коммуникативной функцией речевой деятельности посредством эмоционального фона формируется этическая, эстетическая и воспитательная функция, которые реализуются в процессе работы с художественным текстом. Главная героиня — Тоня — в начале рассказа предстает перед читателем черствой, ругающей интеллигенцию и образование девушкой, которая не желает учиться, но в конце своего жизненного пути она, будучи уже директором школы, преображается: *«Теперь она думала о том, что гнев*

¹² Васильев Б.Л. Век необычайный. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27095281 (дата обращения: 12.06.2021). С. 18–19.

¹³ Васильев Б.Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 220.

не дает и не может давать радости, ибо он обладает не созидательной, а лишь разрушительной энергией»¹⁴.

Рассматривая проблемы значимости «сравнительной литературы», А. Гниши подчеркивает важность практического подхода к изучению текстов художественной литературы, где язык художественного произведения — это система средств художественного мышления и эстетического освоения картины мира [12].

Следует отметить, что национально-культурный характер художественных текстов Бориса Васильева обуславливается ценностно-смысловым содержанием произведений автора, а чувственное восприятие обеспечивает освоение смыслового содержания посредством эмотивного переживания адресата, поскольку «художественный дискурс — целостный продукт речемыслительной деятельности двух сознаний (креативного и рецептивного), виртуальная модель порождаемого текста. Первое принадлежит автору русского художественного текста, обеспечивая его многостороннюю деятельность по воплощению мысли в текст, второе — воспринимающему субъекту (читателю, слушателю или обучаемому)» [13. С. 254].

Чувственное восприятие «является не только фоном повествования, но и эксплицирует многогранные процессы, отражающие внутренний мир человека» [4. С. 133]. Эмотивное восприятие художественного текста актуализирует мыслительный процесс, вызывает эмпатию, сочувствие, посредством сопереживания происходит ассоциативное преломление с собственным жизненным опытом или духовным опытом своего народа. Эмоции стимулируют психическую регуляцию в зависимости от смысловой организации замысла предложенного текста и способствуют развитию коммуникативной компетенции. «При изучении художественных рассказов особенно ярко проявляется единство коммуникативной и воспитательной целей, так как человеку свойственно переживать чувства, способные мотивировать, организовывать и направлять восприятие, мышление и действие <...> необходимо не только получить знания, но и пережить, прочувствовать происходящее в произведении. Пройти с героем до конца, потому что этот путь затрагивает душевные струны, заставляет сопереживать, «тренирует» сердце, защищает его от черствости и равнодушия» [14. С. 181–182].

Следовательно, лингвокультурные доминанты художественных текстов Бориса Васильева порождают навык эмоциональной отзывчивости на авторский замысел текста. Данная способность развивается в процессе формирования духовно-нравственных качеств и чувств. Художественные тексты

¹⁴ *Васильев Б.Л.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 220.

Б.Л. Васильева воздействуют на чувства и переживания читателя, наполнены проблематикой духовно-нравственных ориентиров, гуманного отношения к человеку, сострадания, чести, сохранения традиций, семьи, необходимости образования и обучения.

В книге «Борис Васильев в воспоминаниях современников» Д. Быков вспоминает: «Знаете, что интересно: Васильеву на полях его рукописей Борис Полевой рисовал «22». В терминологии Полевого «22» означал перебор — стилистический, эмоциональный...»¹⁵. Следует отметить, что это был перебор искренности, равнодушия, сочувствия и сопереживания.

Заключение

Диалог — это консенсус мировоззрений и культурного опыта: личностного, этического, национального. Диалог культур, выстраивающийся на принципах открытости (готовность к взаимодействию), процессуальности (развертывание во времени — преемственность поколений), симметрии (равноправие и свобода личности) — это условия, выполнение которых определяет лингвокультурные факторы при исследовании художественных текстов Б.Л. Васильева.

Художественный текст, поднимающий проблемы общечеловеческих ценностей, актуализирует культурно значимые смыслы, которые репрезентируют лингвокультурную сущность через образное слово.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс. М.: Флинта, 2013.
2. Стернин И.А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 8–22.
3. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
4. Озерова Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект: монография. Белгород: БелГУ, 2012.
5. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2008.
6. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1996.

¹⁵ Есть такая профессия...: Борис Васильев в воспоминаниях современников / под общей редакцией Т.В. Кузовлевой. М.: Фонд СЭИП, 2014. С. 11.

9. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009.
10. *Цзяо Юэмэй.* Литературная мысль Б.Л. Васильева и ее воспитательное воздействие на подрастающее поколение в свете экофеминистской литературной критики // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. 2012. № 3. С. 235–246.
11. *Хаймс Д.Х.* Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975.
12. *Gnisci A.* La letteratura comparata // Introduzione alla letteratura comparata. Milano: Bruno Mondadori, 1999.
13. *Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Шахпуртова З.Х.* Автохтонная синергия русского художественного дискурса // *Русистика*. 2021. № 19 (3). С. 253–270. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270>.
14. *Родионова О.Ю., Малькова Т.А., Харзеева Л.И.* О реализации воспитательной цели в процессе изучения художественных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному // *Иностранные языки в вузе и школе: сб. статей*, Витебск, 21–22 апреля 2017 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. С. 181–182.

Сведения об авторах:

Казютина Евгения Сергеевна, преподаватель кафедры русского языка и деловых коммуникаций, Белгородский университет кооперации, экономики и права; *e-mail*: eukaziutina@yandex.ru

Озерова Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; *e-mail*: ozerova@bsu.edu.ru